

Национально-культурная специфика невербальной коммуникации (на материале романа Грегори Дэвида Робертса «Шантарам»)

Проблема взаимодействия в одном речевом акте невербальных кодов и естественного языка занимает одну из ключевых позиций в теории коммуникации. Выявление особенностей функционирования разноуровневых знаковых систем, причин их изоморфизма позволяет не только установить роль невербальных средств в управлении речевым поведением участников коммуникации, но и определить «степень доверия» к высказыванию. Не случайно О. Шпенглер заметил, что «тот, кто лжет на языке слов, выдает себя на языке жестов, на которые он не обращает внимания» [1, с. 168]. Особый интерес вызывает изучение национальных невербальных традиций, поскольку это позволяет приблизиться к решению проблемы межкультурного соответствия глассических, просодических и других подсистем. Кроме того, освоение невербальной «азбуки» играет такую же важную роль в процессе лингвокультурной адаптации, как и изучение законов сочетаемости лексических единиц неродного языка, его грамматических конструкций и т.д. Не секрет, что неправильная интерпретация невербального поведения – это одна из причин коммуникативных неудач, поскольку формально тождественные знаки могут иметь в разных культурах не только сходные, но и абсолютно полярные семантические интерпретации.

В последние десятилетия вопрос о «диалоге» разноуровневых знаковых единиц стал предметом не только научного, но и художественного интереса. Так, в романе Грегори Дэвида Робертса «Шантарам» (2016) особое внимание уделяется проблеме освоения кодов нового языкового пространства. Проанализируем некоторые стереотипные модели невербального поведения, описанные в романе, с целью выявления их национально-культурной специфики.

Одним из самых частотных жестов индийского населения, по мнению главного героя романа, является покачивание головой, которое нередко сопровождается улыбкой. Диапазон семантических интерпретаций этого жестового знака велик. Во-первых, он, реализуя контактоустанавливающую функцию, выступает как сигнал обратной связи, как эквивалент вербального утверждения «Я МИРНЫЙ ЧЕЛОВЕК», «У МЕНЯ ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ»: *Большинство людей, входивших в вагон на промежуточных станциях, приветствовали пассажиров **покачиванием головы**, и неизменно кто-то отвечал им таким же покачиванием. Это не могло быть знаком согласия или подтверждения, потому что ничего еще не было сказано. И я понял, что это был дружелюбный сигнал...* [3, с. 112].

Во-вторых, этот жест играет роль «функционального синонима» утверждения в ситуации диалога: *К тому моменту я уже усвоил, что **мотание головой** из*

стороны в сторону – самый распространенный жест в Индии – эквивалентно нашему киванию и означает «да». Я научился различать и такие его варианты, как «Я согласен с вами» и «Я не против» [3, с. 111].

Наконец, в-третьих, покачивание головой является положительным маркером в речевой ситуации «СВОЙ / ЧУЖОЙ»: *Молодой крестьянин, собравшийся передать мне свои вещи, заколебался, увидев мои серые глаза, но, когда я улыбнулся ему и покачал головой из стороны в сторону, он ухмыльнулся в ответ и доверил мне свой скарб. Вскоре все окружающие улыбались мне и качали головой, и я в ответ мотал и крутил своей, пока автобус не тронулся* [3, с. 113].

Описанная невербальная форма получает дополнительную мелиоративную окраску в том случае, если сопровождается улыбкой, которой принадлежит особое место в индийском общении. Чаще всего она включается в качестве ключевого элемента в особым образом организованную последовательность невербальных знаков. При этом улыбка не только выполняет регуляторную функцию, но нередко заполняет вербальные или жестовые лакуны в ситуации напряженного психологического состояния: *Он помотал головой, прижал руку к сердцу, и на лице его расцвела объемлющая весь мир улыбка* [3, с. 300]. Активное функционирование в индийской культуре этого мимического жеста во многом обусловлено тем, что «психологическая доминанта невербального поведения <...> индуса заключается не в том, чтобы сориентироваться в данной ситуации, а чтобы строго придерживаться предписанного <...> кодекса поведения... В частности, если индус не знает, каким жестом нужно приветствовать того или иного человека или как следует правильно вести себя в ответ на невербальное приветствие, то он должен, согласно существующим правилам, стоять и просто улыбаться, ожидая, что другие придут ему на помощь и тактично объяснят, намекнут или подскажут, что он должен делать» [2, с. 443].

Однако арсенал индийских жестов приветствия не ограничивается только покачиванием головой. Герои романа активно используют анджали как аналог рукопожатия в сознании индусов: *Дилип склонился перед Карлой в традиционном приветствии, сложив ладони перед собой* [3, с. 244]. При этом семантически обусловленным является расположение рук (оно детерминируется статусом собеседника): на уровне груди – приветствие равного себе, на уровне лба – своего гуру, над головой – Бога. Традиционное же рукопожатие как жест приветствия или прощания, гостеприимства или дружелюбия используется только мужчинами-индусами, которые не являются близкими родственниками: *Ананда никак не беспокоил его долг передо мной, но его прощальное рукопожатие стоило иного долгого задушевного разговора* [3, с. 769]. Однако семантические границы рукопожатия значительно шире: оно является не только классическим этикетным жестом, но и выступает как невербальное подтверждение ранее принятых обязательств или готовности выполнить просьбу собеседника: *Я обменялся со всеми троими рукопожатием, скрепляя наш уговор* [3, с. 769]; *Было похоже, что*

моя просьба вызвала какие-то осложнения. Я пожалел, что высказал ее, и начал потихоньку закипать. Но тут он протянул мне свою руку.

– Даю слово, – произнес он торжественно, и мы обменялись рукопожатием [3, с. 341].

Руки наделены особым статусом в жестовой коммуникации: они выполняют функцию управления вербальным поведением участников речевого акта, репрезентируют эмоциональное состояние собеседников, акцентируют внимание адресанта и адресата на расположении объектов в пространстве и т.д. Кроме того, руки являются ключевым компонентом такой стереотипной невербальной формы, как касание. В индийском тактильном поведении прикосновение к рукам (или ногам!) собеседника имеет особое, знаковое «наполнение». Если в русской культуре касание – это вторжение в личное пространство другого человека, то в индийской невербальной коммуникации оно имеет такой смысловой инвариант, как «демонстрация доверия, поддержки, веры в возможности собеседника»: *Послушай, Лин, я хотел обсудить с тобой одно дело... – проговорил он, прикоснувшись к моему локтю. – У меня есть друг... как это сказать... у него проблема с обменом наличных [3, с. 536]; Улыбнувшись, он наклонился ко мне и коснулся моей руки. В Бомбее люди часто прикасались к собеседнику, слегка пожимая или стискивая его руку для большей выразительности. Обитатели трущоб разговаривали так всегда, и мне это нравилось [3, с. 190]; Это действительно очень большая ответственность. Я не смогу. Он улыбнулся и коснулся моей руки.*

– Дело в том...– я умоляюще посмотрел в его золотистые глаза. – Дело в том, что я боюсь не справиться [3, с. 307].

Не менее частотными являются и прикосновения к ногам собеседника. Это обусловлено тем, что в индийской культуре такой знак является выражением огромного уважения (ноги считаются самой загрязненной частью тела человека). *Он попросил меня, прежде чем мы уйдем, посидеть некоторое время, чтобы каждый из окружающих мужчин, женщин и детей мог прикоснуться к моей ноге. Мне казалось, что это унижительно для людей, и я стал уговаривать его отказаться от этой затеи, но он настаивал, а затем с суровым выражением и каким-то ожесточенным блеском в глазах наблюдал, как его люди друг за другом стучат по моей ноге обрубками пальцев, почерневшим или потерявшим форму ногтем [3, с. 208]; Я приказал Амиру убираться на все четыре стороны, и он, прикоснувшись к моей ступне, задом выбрался из хижины [3, с. 294].*

Объединение в одном невербальном событии «разнотипных касаний» способствует формированию особых семиотических актов, которые расширяют диапазон традиционных представлений о функциональной специфике тактильных знаков: *Мужчина, сидевший напротив меня, случайно задел мою ногу своей – самым краешком ступни, я едва заметил это, – но он тут же коснулся рукой моего колена и приставил кончики пальцев правой руки к своей груди – этот индийский жест означает извинение за ненамеренно причиненное неудобство [3,*

с. 109]; *Они посмеялись и хотели на прощание почтительно коснуться его ноги, но он поднял их и пожал им руки. Они ушли, выпрямив спину и высоко держа голову* [3, с. 454].

Выводы.

1. Определение набора универсальных и национальных форм жестовой коммуникации и выявление специфики их актуализации позволяет приблизиться к решению проблемы интерпретации невербального текста в условиях иноязычного пространства.

2. В индийской речевой ситуации *приветствия* используются различные жестовые формы (покачивание головой, анджали, традиционное рукопожатие), которые характеризуются индивидуальным набором семантических интерпретаций.

3. Ядерными знаками индийского тактильного поведения являются касания рук и ног собеседника. Использование таких невербальных форм взаимодействия усиливает перлокутивный эффект сообщения, поскольку включает в себе коммуникативную пропозицию «Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ЗНАЛ, ЧТО Я УВАЖАЮ ТЕБЯ, ЧТО У ТЕБЯ ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ».

1. Борохов, Э. Энциклопедия афоризмов: Жемчужины мысли / Э. Борохов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

2. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.

3. Робертс, Г.Д. Шантарам / Г.Д. Робертс. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.